

да пребывает». ¹³⁴ На этой основе Афанасий грозил расколу: «Аще кто во ино служение не зван подымает гордостный рог, сломит его господь бог вскоре». ¹³⁵ Но больше он надеялся на власть царя, который «не токмо бо вредословцем и возмутителем тщетно возносимыя на ню (церковь, — *А. Р.*) гордостным бесованием ломит роги, но и текущая на зло ноги». ¹³⁶

Афанасий требовал суровых наказаний раскольникам, и такое отношение к этому движению вызывалось достаточно ясным с его стороны пониманием его противоправительственного характера. По словам Афанасия, царь Алексей Михайлович «разжегся ревностию» на раскольников, потому что именно ему пришлось быть первому от них, «от новоявльшихся душепагубных волков Никиты, Аввакума, Лазаря и прочих ... хулиму, попираему и уничижаему». ¹³⁷ Патриарх Иоаким писал, что раскольники «на святую церковь божию и на благочестивых наших царей ... непрестанно глаголют хулы и пишут». ¹³⁸ Эти формулировки вполне отвечают тому политическому объяснению казни Аввакума, Лазаря, Епифания и Федора, записанному А. А. Матвеевым, который сам со своим отцом А. С. Матвеевым, незадолго до их сожжения, вернулся в Москву из пустозерской и мезенской ссылки: «За великия на царский дом хулы сожжены были». ¹³⁹

Афанасий Холмогорский, вслед за своим другом патриархом Иоакимом, не без волнения писал о создавшемся в государстве положении: «Всяк же да разумевай сие, како подобает в мире сем жити ... царям ли подобает повиноватися или за мужиками безумными гонятися, презрев их. Пастырям ли истинным послушание лучши отдавати, или бесноватым тайничещным врагам внимати?». ¹⁴⁰ Содержание этого вопроса фактически развивало ту же мысль о непримиримых социальных противоречиях между расколом и феодально-крепостнической властью, которая, как мы видели, была высказана царевной Софьей.

Для социальной характеристики движения раскола, как и для оценки общественной позиции Аввакума, очень показательны те общие характеристики движения раскола, участников этого движения и образа их действий, которые давались в полемических и официозно-пропагандистских сочинениях защитников государственной церкви.

Уже в сборном «Свитке», как мы видели, указывалось, что раскольники «возмутиша народ». ¹⁴¹ Обличая учение «проклятого псейдопророка Аввакума» ¹⁴² и его товарищей, «с ними же и простиши невежди», ¹⁴³ Игнатий Тобольский указывал на «всенародный» характер их пропаганды: «Тогда восташа проклятии ... протопопы Аввакум и Григорий Неронов, и попы Лазарь и Никита Пустосвят, и диакон Феодор... и всенародне вопияху, кричаще и учаще, яко за истину, рече, мы стоим». ¹⁴⁴

О народных «колебаниях» многократно сообщают и обличительные памятники, направленные против восстания стрельцов и раскольников

¹³⁴ Увет духовный, л. 246 об.; ср. первое послание апостола Павла к коринфянам, VII, 24.

¹³⁵ Увет духовный, л. 246 об.

¹³⁶ Там же, л. 6 об.

¹³⁷ Там же, лл. 46 об—47.

¹³⁸ Слово благодарственное, стр. 94—95.

¹³⁹ [И. Сахаров]. Записки русских людей. СПб., 1841, Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева, стр. 38.

¹⁴⁰ Увет духовный, лл. 71 об.—72.

¹⁴¹ См. прим. 156.

¹⁴² Игнатий Тобольский, стр. 168

¹⁴³ Там же, стр. 90.

¹⁴⁴ Там же, стр. 106—107